

Научная статья
УДК 378.111:51:53:94(47)
doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.013

ДЕМОНСТРАЦИЯ «ПРАВОЙ» ПРОФЕССУРЫ: ВЫБОРЫ ДЕКАНА ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1926 ГОДУ

Дмитрий Андреевич Баринов

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия,
barinovdima1990@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3592-8557>

Аннотация

Статья посвящена одному из эпизодов противостояния разных поколений преподавательского состава в Ленинградском университете 1920-х годов. На примере выборов декана физико-математического факультета показаны с одной стороны способы борьбы старой дореволюционной профессуры за свою автономию, с другой стороны — попытки большевиков продвинуть на руководящие посты в ЛГУ лояльных себе кадров. Рассматриваемый эпизод демонстрирует, что, вопреки существующим мнениям, старая профессура вовсе не была безмолвной жертвой политики советизации вузов и имела силы оказывать сопротивление.

Ключевые слова:

Ленинградский университет, ЛГУ, физико-математический факультет, К. Р. Мацюлевич, профессорско-преподавательская корпорация, высшая школа

Благодарности:

статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-54.2022.2 (Высшая школа Ленинграда и политическая борьба 1920–1930-х гг.).

Для цитирования:

Баринов Д. А. Демонстрация «правой» профессуры: выборы декана физико-математического факультета Ленинградского государственного университета в 1926 году // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 150–156. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.013.

Original article

RESISTANCE OF THE "RIGHT" PROFESSORSHIP: THE ELECTION OF THE DEAN OF THE FACULTY OF PHYSICS AND MATHEMATICS OF LENINGRAD STATE UNIVERSITY IN 1926

Dmitriy A. Barinov

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia,
barinovdima1990@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3592-8557>

Abstract

The article is devoted to one of the episodes of confrontation between different generations of teaching staff at the Leningrad University in the 1920s. On the example of the election of the dean of the Faculty of Physics and Mathematics, on the one hand, the methods of struggle of the old pre-revolutionary professors for their autonomy are demonstrated, on the other hand, the attempts of the Bolsheviks to promote cadres loyal to themselves to leading positions in Leningrad State University. The episode under consideration demonstrates that, contrary to existing opinions, the old professors were by no means a silent victim of the sovietization policy and had the strength to resist.

Keywords:

Leningrad University, Leningrad State University, Faculty of Physics and Mathematics, K. R. Matsyulevich, Professorial and Teaching Corporation, Higher School

Acknowledgments:

the article was prepared with the support of the grant of the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scientists — candidates of science MK-54.2022.2 (High School of Leningrad and the political struggle of the 1920s–1930s).

For citation:

Barinov D. A. Resistance of the "right" professorship: the election of the dean of the faculty of physics and mathematics of Leningrad State University in 1926. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 150–156. doi:10.37614/2949-1185.2023.2.1.013.

Советизация высшего образования была одним из ключевых направлений политики большевиков в области народного просвещения. Кардинальная перестройка университетов и институтов не только касалась реформы их структуры и учебных планов, но и предполагала меры по формированию прослойки большевистских кадров и / или сочувствующих ВКП(б). Для полноценного контроля

над высшей школой был необходим противовес дореволюционной, старой, или в большевистской терминологии — правой — профессуре. Какой характер носило это вынужденное противостояние в разных вузах страны — одно из перспективных направлений историографии советской высшей школы раннего периода [1–4].

Проведение политики советизации вузов оказалось крайне не простой задачей. Наиболее опытные, авторитетные члены партии, в том числе имевшие высшее образование, были задействованы на ответственных государственных и политических постах; в таких условиях вузы испытывали явную нехватку партийных кадров. Даже спустя десятилетие советской власти ситуация не выправилась. В Ленинградском университете на 1927/1928 учебный год членами партии были только 5 из 144 профессоров, 14 из 153 доцентов, 5 из 205 ассистентов¹. Таким образом, на 502 преподавателя проходило всего 29 членов партии; но проблема заключалась не только в их малой численности. Преподаватели-большевики в своем большинстве были молодыми людьми около 30 лет, которые в силу как возраста, так и статуса начинающего ученого не могли пользоваться большим авторитетом. В таких условиях партийная ячейка университета вынуждена была пополняться преимущественно за счет студентов и аспирантов.

Сложилась ситуация, когда партия имела формальные рычаги влияния на университетские власти, которые, однако, не были подкреплены ни должным авторитетом, ни должным представительством в профессорско-преподавательском корпусе. Это создавало почву для многочисленных конфликтов между новым («левыми») и старыми («правыми») преподавателями, о которых регулярно сообщала партийная ячейка². Союзником дореволюционной профессуры считалось «белое» студенчество, представленное выходцами из бывших привилегированных сословий. Их настроение партийные органы характеризовали как антисоветское, хотя публично они своих мнений не выявляли и держались обособленно, опасаясь чисток³.

Однако противостояние не всегда было молчаливым. В 1920-х годах главным инструментом влияния на расстановку сил в высшей школе стали выборы разных уровней. Речь идет как о студенческом самоуправлении, о котором мы писали ранее [см. подробнее: 5; 6], так и о выборах на различные управляющие должности в университете. Именно в связи с последними в 1926 году в университете произошла одна из самых заметных конфронтаций со старой профессурой.

В центре конфликта оказался химик Клавдий Робертович Мацюлевич (рисунок). Сейчас о нем нельзя найти сколь-нибудь подробную биографическую справку, однако на рубеже 1920–1930-х годов он был одной из ключевых фигур для естественнонаучных факультетов ЛГУ. Опишем кратко его жизненный путь. К. Р. Мацюлевич родился 17 июля 1883 году в имении Вишиево Виленской губернии в польской дворянской семье. В 1902 году поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. С началом Первой русской революции в 1905 году вступил в РСДРП(б), занимался в партии технической работой, доставал оружие, распространял литературу. Был арестован в 1907 году, два месяца пробыл под надзором. В 1908 году отошел от революционной работы и выбыл из партии⁴. В 1911 году окончил университет, был учеником А. Е. Фаворского, под его руководством продолжил работу в химической лаборатории при факультете [7, с. 56]. Впоследствии стал ассистентом, преподавателем и доцентом физмата.

Уже в начале 1922 года революционное прошлое Мацюлевича положительно сказалось на его карьере: он был назначен на должность проректора университета по хозяйственной части⁵. Вероятно, не последнюю роль в его повышении играли и родственные связи. Супругой Мацюлевича была В. Н. Крестинская — сестра старого большевика, дипломата, члена Политбюро и наркома финансов Н. Н. Крестинского. Тем не менее, к тому времени Мацюлевич работал в университете уже почти 10 лет, поэтому карьерный рост не должен удивлять. С другой стороны, за это время он не оставил сколь-нибудь значимых работ (до 1930-х годов нам известна лишь одна его публикация⁶). Поэтому в глазах профессорской корпорации, в то время еще полностью сформированной из ученых, начавших свой путь до революции, Мацюлевич мог казаться выскочкой, не имевшим оснований находиться в числе первых лиц университета. Однако в 1922 году речь шла об ответственности Мацюлевича только за материально-техническую сторону жизни университета, когда же его кандидатуру стали продвигать на руководство наукой, профессорская корпорация не стала принимать это безропотно.

Первое противодействие своему продвижению по университетской службе Мацюлевич встретил в 1923 году, когда его назначили на должность председателя химическим отделением физико-математического факультета. Произошло это в нарушение существовавшего порядка, предусматривавшего

выборность этой позиции. Воспротивился этому, прежде всего, действующий глава отделения, химик, профессор А. А. Байков, демонстративно подавший в отставку сразу же после назначения Мацюлевича⁷. Через год вопрос о выборах председателя отделения встал вновь, однако в этот раз партийная ячейка придала этому процессу большую легитимность. Как писал сам Мацюлевич, «в противоположность установившейся в У[ниверсите]те традиции пришлось пополнить преподавательский персонал рядом новых лиц по назначению, а не по выборам. Такого рода прием внес в свою очередь много недовольства и злопыхательства, однако поручение партийной организации было выполнено»⁸.



Клавдий Робертович Мацюлевич, 1883–1938 [8: вклейка с фотографиями]

Еще более серьезный конфликт случился спустя три года, при выборах декана факультета и его заместителей в октябре 1926 года. Согласно процедурам, принятым в то время, на Совете факультета сначала голосовали за претендентов на должность декана из первичного списка. Из тех кандидатур, которые набрали более пяти голосов, уже делали окончательный выбор. Так в окончательный список вошли Мацюлевич (16 голосов), действующий декан Н. П. Каменьщиков (8 голосов), секретарь факультета доцент С. Д. Львов. Первые двое по не вполне ясным причинам сняли свои кандидатуры, и Львов был избран на безальтернативной основе небольшим перевесом голосов (23 — за, 15 — против и 7 — воздержалось)⁹.

Для выборов на позицию заместителя были отобраны кандидатуры Мацюлевича и профессора М. М. Глаголева. Минимальным перевесом голосов (21 против 20) решили начать обсуждение достоинств и недостатков кандидатур. Профессора А. С. Догель и Ю. А. Филипченко, Д. С. Рождественский и доцент Н. Н. Иванов выступили резко против Мацюлевича. Они ссылались как на его персональные свойства, так и на неудовлетворительную работу в должности проректора по хозяйству, где Мацюлевич, по мнению выступавших, отстаивал интересы только своего химического отделения, не обращая должного внимания на остальной факультет. Очевидно, имелся в виду случившийся летом инцидент, когда вся сумма, выделенная факультету на заграничные закупки, была присвоена химическому отделению¹⁰. Вердикт выступавших был таков, что к управлению факультетом нельзя допускать лицо, к которому «подавляющее число» профессуры относится негативно. В защиту Мацюлевича выступили партийные работники В. П. Краузе, Л. А. Лейферт. Суть защиты сводилась к тому, что отстаивание интересов отделения должно быть поставлено не в претензию, а в заслугу; и раз кандидата переизбрали председателем отделения, значит, не вся профессура настроена против него¹¹.

Было предложено начать голосование. Однако Догель, Филипченко, Рождественский и Иванов отказались в нем участвовать, при этом подчеркнув, что этот акт следует оценивать, не как простое воздержание при голосовании, а именно как протест против кандидатуры Мацюлевича. К этому заявлению присоединились профессора и преподаватели М. С. Вревский, А. А. Иванов, С. А. Советов, В. Е. Тищенко, А. И. Умнова. Несмотря на выказанный протест все равно было решено приступить к баллотировке. Кандидатура Глаголева набрала 23 голоса — за и 24 — против; кандидатура Мацюлевича: 22 — за, 13 — против и 1 воздержался. Казалось бы, Мацюлевич должен был победить. Однако часть профессоров настаивала на том, чтобы учесть голоса 9 профессоров-«демонстрантов» как голоса против, тогда выборы бы закончилась паритетом (22 — за и столько же против) и Мацюлевич не мог быть баллотирован. Однако от этой меры отказались.

Закончились выборы непредсказуемым образом. С. Д. Львов заявил о снятии своей кандидатуры, так как получил лишь незначительный перевес в свою пользу. Вслед за ним с той же мотивировкой отказался занимать должность Мацюлевич, подчеркнув также, что в сложившихся условиях не ясна личность будущего декана, поэтому не понятно, как выстраивать работу. Выборы на тот момент признали несостоявшимися.

Для разрешения ситуации пришлось на следующий день в срочном порядке собирать заседание Совета университета, которое также вылилось в продолжительные прения. Н. С. Державин, ректор университета в 1922–1925 годах, заявил, что выборы состоялись, отказ не может быть принят; работу Мацюлевича во время своего ректорства он охарактеризовал как удовлетворительную. Профессор Б. Л. Богаевский отметил, что в правомерности избрания Львова сомнений нет, сложнее выразить мнение о Мацюлевиче; позицию 9 профессоров, отказавшихся от голосования, он предложил учесть как воздержавшихся и утвердить Мацюлевича в должности. Действующий ректор Б. В. Томашевский назвал поведение 9 профессоров недопустимым. В итоге с минимальным перевесом голосов (4 против 3) выборы признали состоявшимися, а с кандидатами Томашевскому рекомендовали провести индивидуальные беседы и убедить их в том, что отказ от должностей невозможно принять, так как это не персональное, а общественное дело¹².

Увещевания Томашевского не возымели действия. Львов категорически отказался возглавлять факультет, так как не оправдались его надежды стать объединяющей фигурой для разных групп профессоров в целях «охранения и поддержания деловой работы внутри факультета». Становиться представителем одной из группировок он не желал¹³. Мацюлевич также отказался, но готов был подчиниться, если его назначат. Свое решение он мотивировал тем, что выступление 9 профессоров было направлено на сведение личных счетов, для чего он не дал ни малейшего повода. Он просил правление университета дать надлежащую оценку этому инциденту. Разбирательство относительно этого документа вскоре состоялось, однако правление решило, что не имеет достаточно компетенций и полномочий для принятия мер, и поэтому передало его в Союз научных работников. Вопрос же о признании итогов выборов также был передан в высшие инстанции: в Главное управление профессиональным образованием. Главпрофобр распорядился выборы отменить и назначить новые на конец ноября.

В этот раз Мацюлевич был выдвинут сразу на должность декана. К сожалению, протоколы повторных выборов обнаружить не удалось, поэтому подробности прений неизвестны, однако ректор Томашевский обращал внимание на ненормальность обстановки, сложившейся на факультете. Собрание проходило в бурных дискуссиях. В итоге 22 голосами против 21 на должность декана был избран Мацюлевич. Закончилось заседание новой «демонстрацией» старой профессуры: 17 человек (по другим источникам — 14) в знак протеста против результата покинули заседание (в их числе А. С. Догель, К. М. Дерюгин, Ю. А. Филипченко, Д. И. Дейнека и др.)¹⁴. Многие выступили с особым мнением. А. А. Жижиленко в поданной записке отмечал, что должность декана должны занимать лица, имеющие достаточный научный авторитет, чем явно не может похвастаться Мацюлевич¹⁵. Схожим по содержанию оказалось и особое мнение Афанасьева, подчеркнувшего, что утвержденные кандидатуры явно не соответствуют статусу физмата ЛГУ¹⁶. Мацюлевич вспоминал, что большую работу для его победы проделала партиячка: «Путем бесед с отдельными профессорами, а беседы пришлось по поручению [парт]организации с большинством мне вести самому, и после многократной проверки, как бы не сорваться на этом деле, на повестку дня был поставлен вопрос о выборах»¹⁷.

Так, очевидно, вопреки воле половины профессорского состава и благодаря административному ресурсу, Мацюлевич был избран деканом факультета. Партийная ячейка, предпринявшая для этого немало усилий, расценивала оказанное ему противодействие как политический акт. Очевидно, этому способствовало то, что позиция 9 профессоров (высказанная в октябре 1926 года) получила форму заявления, которое подписали преподаватели разных научных дисциплин. После победы Мацюлевича последовало новое заявление, также предполагавшее сбор подписей. Университетская ячейка ВКП(б) так характеризовала случившееся: «Имевший место демонстративный уход четырнадцати и заявление одиннадцати человек преподавательского персонала есть продолжение политической демонстрации верхушки правой профессуры по отношению к руководству университета, несмотря на то, что формально выступление направлено против Мацюлевича». Профессуре также вменяли тайные собрания и давление на своих коллег¹⁸. Косвенно вина за обострение конфликта возлагалась на ректора Б. В. Томашевского, не проявившего, по мнению партийного коллектива, должной твердости.

Скажем несколько слов о том, как сложилась дальнейшая судьба Мацюлевича. Его карьера продолжала идти в гору. В 1929 году он стал одним из основателей и первым деканом химического факультета ЛГУ, был профессором Химико-технологического института (после передачи туда химического факультета). В 1931 году повторно вступил в ВКП(б). В 1932–1934 годах занимал должность заместителя председателя Химической ассоциации АН СССР, в 1934–1936 годах — заместителя директора по научной части Института органической химии в Москве. Как и ранее, успехи в организации науки расходились у Мацюлевича с успехами ученого. Его немногочисленные публикации носили отчетный характер¹⁹. Содержание нашей статьи может представить Мацюлевича как антигероя, ученого-карьериста. Однако некоторые его коллеги оставили благожелательные воспоминания о совместной работе. А. М. Рубинштейн, трудившийся с ним в Институте органической химии, писал, что, будучи заместителем Фаворского, тот фактически руководил повседневной работой института и вполне справлялся с ней, налаживая «хорошие контакты с заведующими лабораториями <...> и научными сотрудниками», «он вел все дела умно и тактично, и все сотрудники были им очень довольны <...>, мы все считали К. Р. Мацюлевича высокоинтеллигентным человеком; он всегда держался очень просто, не начальственно, чем и привлекал наши симпатии» [8: 17, 42]. Его преемник справлялся с этой задачей заметно хуже [8: 101]. Как хорошего организатора вспоминает К. Р. Мацюлевича супруга его научного руководителя Т. А. Фаворская [7: 205].

Жизнь Мацюлевича оборвалась трагически. Не будет преувеличением сказать, что арест его шурина Н. Н. Крестинского во многом предрешил и его судьбу. В 1937 году он оказался исключен из ВКП(б), арестован и обвинен по статье 58-6 УК РСФСР (шпионаж). В следующем году — расстрелян. Реабилитирован в 1955 году, в том числе в партийном отношении.

«Казус» К. Р. Мацюлевича не был чем-то из ряда вон выходящим. Он стал лишь одним из целой череды эпизодов противостояния старого и нового поколений университетских преподавателей. Поскольку в этом эпизоде дело вышло за пределы личных конфликтов и появилась угроза нормальному течению учебной и академической жизни, обстоятельства этого столкновения были подробно запротоколированы, что и позволило нам восстановить его подробности. Конечно, никакой сформировавшейся группы правой профессуры, как об этом сообщала партиячейка, не существовало. Однако политическая составляющая конфликта была налицо. Демонстрация «правой» профессуры была ответом на советизацию высшего образования, на попытки поставить ее под контроль, в том числе путем продвижения кадров, лояльных власти, но мало авторитетных в научной среде. Выборы на различные руководящие должности долгое время оставались одним из немногих легальных путей для старой профессуры отстоять свою независимость. Однако после Академического дела 1929–1931 годов пользоваться и этим способом борьбы за автономию де-факто стало невозможно.

Список сокращений

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)

РФХО — Русское физико-химическое общество

ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга

Примечания

- ¹ Доклад об обследовании коллектива ВКП(б) ЛГУ [1927 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–2.
- ² Протокол заседания предметной комиссии от 4 февраля 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 128. Л. 42; Там же. Д. 1. Л. 17.
- ³ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 128. Л. 10.
- ⁴ Личный листок по учету кадров // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1–3. Д. 20242. Л. 1, 4об.
- ⁵ Там же. Л. 1.
- ⁶ Фрицман Э. Х., Мацюлевич К. Новый метод количественного определения летучих веществ в воздухе // Журнал РФХО. 1920. Ч. Химия. Т. 52. С. 212–234.
- ⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 14. Д. 1587. Л. 134.
- ⁸ Там же. Л. 135.
- ⁹ Протокол заседания Совета Физико-математического факультета от 19 октября 1926 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 178. Л. 128об.
- ¹⁰ Протокол заседания правления ЛГУ, состоявшегося 7 июля 1926 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 178. Л. 11.
- ¹¹ Протокол заседания Совета Физико-математического факультета от 19 октября 1926 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 178. Л. 129–130.
- ¹² Протокол № 15 Правления Ленинградского государственного университета, состоявшегося 20 октября 1926 г. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 178. Л. 118–119.
- ¹³ С. Д. Львов — ректору ЛГУ. [октябрь 1926 г.] // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 178. Л. 143.
- ¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 14. Д. 1587. Л. 135.
- ¹⁵ Особое мнение члена Правления проф. А. А. Жижиленко по вопросу о выборах деканата физико-математического факультета // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 178. Л. 181.
- ¹⁶ Особое мнение члена правления А. П. Афанасьева... // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 178. Л. 182.
- ¹⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 4505. Оп. 14. Д. 1587. Л. 135.
- ¹⁸ Протокол заседания Бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ от 23 ноября 1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 123.
- ¹⁹ Мацюлевич К. Р. Химический институт. Доклад ученого секретаря Химической ассоциации Академии наук // Вестник АН СССР. 1931. Внеочередной номер. Стб. 81–92; Мацюлевич К. Р. Конференция по планированию научно-исследовательской работы в области физической химии // Природа. 1932. № 2. С. 170–171.

Список источников

1. Обухов Л. А. Власть и профессура (из истории Пермского университета в 1917–1931 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2011. Вып. 2 (16). С. 145–153.
2. Бушуева Л. А. «Старая» профессура и «отличные техники»: научная интеллигенция Казани в первые годы советской власти // Интеллигенция и мир. 2018. № 3. С. 82–98.
3. Никуленкова Е. В. Образ «красного профессора» в Советской России в 1920-е гг. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2020. С. 323–328.
4. Никуленкова Е. В. Беспартийные в Институте красной профессуры в 1920-е гг. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2021. С. 263–267.
5. Баринов Д. А. Студенческие землячества императорского и советского университета // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2 (34). С. 70–81. DOI: 10.51255/2311-603X_2022_2_70.
6. Баринов Д. А. Социалисты против коммунистов: студенчество Петрограда / Ленинграда в 1920-е гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 1, № 1 (37). С. 37–47. DOI 10.24147/2312-1300.2023.10(1).37-47.

7. Фаворская Т. А. Алексей Евграфович Фаворский. 1860–1945. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. 253 с.
8. Рубинштейн А. М. Институт органической химии имени Н. Д. Зелинского. М.: Наука, 1995. 348 с.

References

1. Obukhov L. A. Vlast' i professura (iz istorii Permskogo universiteta v 1917–1931 gg.) [Power and professorship (from the history of the Perm University in 1917–1931)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of the Perm University. Series: History], 2011, issue 2 (16), pp. 145–153. (In Russ.).
2. Bushueva L. A. “Staraya” professura i “otlichnyye tekhniki”: nauchnaya intelligentsiya Kazani v pervyye gody sovetskoy vlasti [“Old” professors and “excellent technicians”: the scientific intelligentsia of Kazan in the first years of Soviet power]. *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the world], 2018, no. 3, pp. 82–98. (In Russ.).
3. Nikulenkova E. V. Obraz “krasnogo professora” v Sovetskoy Rossii v 1920-ye gg. [The image of the “red professor” in Soviet Russia in the 1920s]. *Reformy v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'* [Reforms in the daily life of the population of Russia: history and modernity]. Saint Petersburg, 2020, pp. 323–328. (In Russ.).
4. Nikulenkova E. V. Bespartiyntsy v Institute krasnoy professury v 1920-ye gg [Non-party members at the Institute of Red Professors in the 1920s]. “Vyzov” v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' [“Challenge” in the daily life of the population of Russia: history and modernity]. Saint Petersburg, 2021, pp. 263–267. (In Russ.).
5. Barinov D. A. Studencheskiye zemlyachestva imperatorskogo i sovetskogo universiteta [Student communities of the Imperial and Soviet University]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [Petersburg Historical Journal], 2022, no. 2 (34), pp. 70–81. (In Russ.). DOI: 10.51255/2311-603X_2022_2_70.
6. Barinov D. A. Sotsialisty protiv kommunistov: studenchestvo Petrograda / Leningrada v 1920-ye gg. [Socialists vs. Communists: Students of Petrograd/Leningrad in the 1920s]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya “Istoricheskiye nauki”* [Bulletin of Omsk University. Series “Historical Sciences”], 2023, vol. 1, no. 1 (37), pp. 37–47. (In Russ.). DOI 10.24147/2312-1300.2023.10(1).37-47.
7. Favorskaya T. A. *Aleksey Yevgrafovich Favorskiy. 1860–1945* [Alexey Evgrafovich Favorsky. 1860–1945]. Leningrad, Nauka, Leningrad branch, 1980, 253 p. (In Russ.).
8. Rubinstein A. M. *Institut organicheskoy khimii imeni N. D. Zelinskogo* [Institute of Organic Chemistry named after N. D. Zelinsky]. Moscow, Nauka, 1995, 348 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. А. Баринов — кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Information about the author

D. A. Barinov — PhD (History), Researcher.

Статья поступила в редакцию 18.03.2023; одобрена после рецензирования 30.03.2023; принята к публикации 21.04.2023.
The article was submitted 18.03.2022; approved after reviewing 30.03.2022; accepted for publication 21.04.2023.